

Виталий Мухин

Виталий Олегович Мухин родился в 1948 году в Москве. С 1951 по 1962 год жил в Казахстане (Петропавловск, Караганда, Алма-Ата). Первая публикация стихов – в газете «Ленинское знамя» ЛКСМ Казахстана. Член Союза писателей России.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

* * *

Нарисованный фонарь
и в окне луна
золотая – даже в хмарь
хорошо видна.

А под ней дугой мосты
и с вождём плакат.
За холмами монастырь
в крепости оград

и в гербе колосья ржи...
Будто домино,
вдоль дороги этажи
крошечных домов.

Что ещё там в полумгле?
Фары пролетят,
распахнутся по земле
и опять умчат.

Неспокойно и светло –
странность серебра.
Отсыревшею ветлой
тянет со двора.

В сумерках бредёт рассвет.
Ах, какой пассаж!
Ты – художник, ты – поэт,
где же твой пейзаж?

Потускнел, ушёл, как встарь,
в отголоски сна...
Нарисованный фонарь
и к нему луна.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Грянет ли гром за холодным окном,
молния в сон ли ворвётся, пугая,
иль зашатает могучий перрон –
эй, братаны! – до звонка ли, до края
скользкой платформы?..

А может, земли?

– Пропась как пропась.

Слабо́ перепрыгнуть?!

Плачут гармони во весь свой зенит,
мёхи до Кушки экватором выгнув.
А там пересылка.

Да там первый бой

голосом страшным

орёт понарошку!..

Ляжем-поднимемся –

нам не впервой

играть в неваляшку

и даже в матрёшку.

– Мама!..

– Ты что?

«А тут всё нормалёк.

Кормят отлично.

Сержанты –

что надо...» –

штемпель почтовый, а сам-то сынок
месяц как в клочья разорван снарядом.
Грянет ли гром...

А чего он гремит,

рано пред зорями спать нам мешая?

– Почта торопится. Почта спешит
от края до края... До самого края.

ВИШНЯ

Не сон, а мутная река
и вертолёт, над ней зависший.
И солнце в мутных облаках
над срезанной осколком вишней.

«Прости, не повезло тебе», —
а что ещё? слова участия?
Но что они!.. Кому теперь
про трудную дорогу счастья?

Кому-кому?.. И что сказать
про то, как годы, понемногу,
торит к военкомату мать
вот эту самую дорогу?
Как сверху ни меняй обзор,
а бомбы всё равно сорвутся.
Взрвёт, как зверь, —
вот-вот — мотор,
зенитки хором отзовутся.

Вот-вот — и вспыхнет будь здоров!
Вот-вот — и весь ты был и не был
в дырявом ромбе трассеров
трясущейся заплаткой неба.
Теперь уж точно нет причин
давиться байкой бесшабашной.
Прощай — сквозь
жуткий вой турбин
и ужас первой рукопашной.
Мир накренился и застыл.
Молись, чтоб миной не накрыло,
чтоб под конец достало сил
не взвыть над собственной могилой.
Далёко прокатился гром —
далёко пепельной короной
сквозь тучи вызарило дом
над срезанной осколком кроной

и — пыльный тракт в колосьях ржи,
и — васильков седую просинь...
«Люблю-люблю» — как жажда жить
ребёнка, что под сердцем носишь.
Уходит в облака десант,
на стропах чых-то слёз зависнув.
И мне пора. Бывай, пацан,
не уберёгший свою вишню.

ЕКАТЕРИНЕ ТАРАСОВОЙ

с пожеланием света и радости

То не вечер колобродит
с лунным пёрышком в горсти —
о несбыточной свободе
лебедь белая грустит.
Катерина, Катерина,
лебедь белая грустит.
Зачарованная лебедь,
синь да быстрая вода.
Ясный месяц блещет в небе,
плещут звёзды в неводах.
Катерина, Катерина,
плещут звёзды в неводах.

Столько звёзд!.. Но, видно, мало
балалаечка играла,
время в ситечко текло...
И плясала, и рыдала
да колечки примеряла —
ни одно не приросло.
Катерина, Катерина,
ни одно не приросло.
Покатились семь сердечек
по зелёному лужку.
В дальней роще вскрикнул кречет,
всхлипнул филин на суку.
Катерина, Катерина,
даже филин на суку.
Не грусти, моя царевна,
а то я сойду с ума,
разревуся на всю деревню —
вот уж будет кутерьма.
Катерина, Катерина,
это будет кутерьма!

* * *

Ночная улица морозна и светла,
от фонарей пространные разводы.
И луч звезды, что лазера игла,
вакцину января под кожу вводит.
Иду по городу — он тоже одинок,
как та звезда в холодном мирозданье,
где нет ни встреч,
ни почты, ни тревог,
и даже нет надежды на свиданье.

Гори-гори!.. Ты у меня одна.
 А что ещё не верящему в Бога
 ты можешь дать?.. Пустынно-холодна
 в январский снег последняя дорога.

* * *

А что жалеть? И что жалеть о том,
 что чередом в свои уходит дали?
 И мы в ночные хляби упадём,
 и нас ветра развеют без печали.
 Что горевать о выцветшей листве!
 Прислушайся – поёт деревьев табор:
 прекрасен май, как юности привет,
 но разве не прекрасен и сентябрь?
 Серебрень мой, сойдет туман-роса,
 простор и синь

сожгут твои убранства,
 но будут вечны эти небеса,
 как в переменах

жажда постоянства.

И потому не сжечь тоски моей
 по городам заманчиво-далёким,
 и потому-то до скончания дней
 в тех городах я буду одиноким,
 любя дорог

протяжный жёлтый свист,
 скользкий, возвращающийся снова.
 Я тоже лист, летящий в небе лист
 на нити притяжения земного.

А чья ладонь отпустит эту нить?

Лети-лети! –

где тонко, там и рвётся.

Держи-держи! –

всех снов не переснить...

Ах, эта ночь! О, этот сон на солнце,
 когда и жить без удержу невмочь –
 вот мгла свернулась,

вновь с ветвей опала.

Ещё одна печаль умчалась прочь,
 ещё одна мечта грустить устала,
 ещё одна взлетела ввысь заря...

Дождь отошёл.

Но эхо снов и странствий –
 дрожит-висит дождейкой сентября...

Какие ливни

в бронзовых пространствах!

СНЫ И СТРЕКОЗА

Моей любимой жене

А у моей крали
 тонкая талия
 и голубые глаза.

Солнце в прятки играет
 в каштановых волосах.

Запах магнолий и кофе
 разносится за версту,
 в сумерках смуглая кожа
 сияет, как на свету.

Ветка ли стукнет в ставень –
 вспыхнет в траве роса.
 Иль это лунный гравий
 рассыпали небеса?

Тянется в сад бескрайний
 стежка из хрупких слёз...
 А моей краде лайнер
 снится на волнах грёз.

А лайнеру снится берег,
 в тенистых каштанах дом
 с полуоткрытой дверью,
 высоким резным окном,

звон воробьиной стаи...
 Много ещё чудес
 свой продолжают танец –
 поле и луг, и лес.

Свой продолжают танец
 баржи речной гудки...
 И, осыпаясь, тают
 розовые лепестки.

Тает звон мандолины,
 лайнер в море и пляж,
 куст молодой малины
 и на лугу шалаш.

Тают сны между нами –
 на цыпочках ходят сны...

А у моей крали крылья
круче морской волны.

Жарче струн мандолины
чуткое тело её...

А над кустом малины
дождик всё льёт и льёт:

«Ах, над кустом малины
губы слаще малины!..» –

Кто-то в любви сгорает,
кто-то себя бежит,
кого-то уносит лайнер,
а кто-то вообще не спит.

Однажды, когда со снами
и я прощался в слезах,
облюбовала мой палец...

Не улетай, стрекоза!

ЖРЕБИЙ

Мечут жребий – на деву ли, отрока? –
в меч Перуна мечами звеня.

Не мрачнейте, стоящие около,
я-то знаю: зарежут меня.

Это мне пронести на закляние
своё сердце до Брестских высот.

Прекратите ж, жрецы,
жребствование –
всё равно на меня упадёт.

Разомкнётся гора или облако,
вспыхнет зеркало или броня –
это он, встрепенувшийся соколом,
наконец-то узревший меня.

Это мой, наиверный, единственный –
и другого не будет уже,
как не будет обрядов таинственных
и спокойствия русской душе.

Потому ни на дев, ни на отроков
не мечите тяжёлых ножей –
всему миру челом бью и обруку.
Уводите меня поскорей,

чтобы с грозными, грустными песнями
вырвать сердце моё из груди
и закинуть его в занебесные,
а теперь уж – стальные круги.

Но уже не волхвов завывания
и не мстительный выдох клинка,
и ни солнце империй в развалинах
провождает меня сквозь века,
Промахнётся скала или всполохом
выбьет в вечном граните ручей –
то держава моя бьёт в царь-колокол:
«Не мечите друг в друга ножей!»

Только мечут – и мечется беженка.
Мечут жребий – столетья подряд!
И летит, заострившись, он першингом
и давно уже не наугад.

Что ж, лети –

коль дороженьку знаешь,
коль не жаль ни других, ни себя...
Только помни: не ты выбираешь –
это мы выбираем тебя!

ПЛАЦКАРТНАЯ РУСЬ

Всё детство моё прошло на колёсах –
платформы, гудки, поезда.

В плацкартных вагонах
вдоль тёмных откосов
мы едем незнамо куда.

И мама моя молода и красива,
с тяжёлою русой косой.

И папа чуть пахнет махоркой и пивом,
как ёжик – не брит и босой.

Я мало что помню,

но помню, но помню
безжалостный, гадкий свой страх,
когда шёл солдат-инвалид по вагону
с протянутой кепкой в зубах;
весёлого парня с губною гармошкой –
он маму упрашивал спеть
хотя бы куплет, ну хотя бы немножко
про вольную русскую степь.

И степь начиналась, и лето кончалось,
к полудню спадала жара.

Эпоха вокзалов державу качала –
железные били ветра.
А навстречь им с песнями,
 матом и свистом
несли свою удаль и грусть
крестьяне, строители, авантюристы –
плацкартная нищая Русь.
Всё дальше от Бреста,
 всё ближе к Ишиму
в надежде на хлеб и жильё
летели составы, летели машины,
а с ними и детство моё.
Летело-летело и где-то пропало...
Но разве я ведал тогда,
гребни какого девятого вала
нас гнали незнамо куда?

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Зачем же забытая музыка
в публичном плутает саду –
собрата ли ищет, союзника,
рыдая у всех на виду?

Зачем же, зачем же, родная,
ты сердцу напомнила вдруг
про синие волны Дуная
и хрупкие плечи подруг?

Не надо, не надо, не надо,
ещё не окончен парад,
не царские стяги заката –
орлиные зори горят.

И аж до маньчжурских пределов
эскадрой летят облака.
Но мичманы в кителях белых
об этом не помнят пока.

СТУДЕНЧЕСКОЕ

Ошеломительный роман
с великосветскою зазнобой.
Не важно, что дыряв карман,
а важно, что любовь до гроба,

что снег февральский свеж и чист,
сданы последние зачёты.
Журфак гудит, как футурист,
и сводит с химиками счёты,
ревнуя ветреных подруг.
А у меня – любовь до гроба.
И всё ж, когда на танцах в круг,
поглядываю тоже в оба.

Ещё не ведаю утрат,
свиданий с привкусом разлуки.
Трепещет в небе транспарант:
«Студент – грызи гранит науки!»
Ещё я грежу наяву,
смеюсь на старом фотоснимке.
В безгрешной позе на полу
спит у девчат с луной в обнимку
Фрол Гуськин – местный донжуан
и Коля Кузнецов, быть может...
Общага спит, и сам декан
её покоя не тревожит.

Беспечной юности года,
мечта туманна и прекрасна.
А с неба крупная звезда
светила голубо́ и ясно.

* * *

О, захолустная тоска!
Она задушит здесь любого.
Шнуром, свисающим с крюка,
завьётся в дуло у виска –
вот зрак всевидящего Бога!
Кричи – никто не прибежит.
Зови – кому ты нынче нужен?
На костылях вторая жизнь
за водкой хлюпает по лужам.
Эй, инвалид, и я с тобой!
Ты не останешься внакладе –
всей заковыристой судьбой
прибавку к пенсии оплатим.
Твой Кёнигсберг и мой Афган,
Летит по вычурному кругу
трясущийся в руке стакан –
век недопитые сто грамм –
от друга к другу.

И с каждым днём тесней кольцо,
всё бойче лживые преданья,
и всё слышнее пред концом
тех недобитков ликованье.

* * *

Обрушится красою – невозможной,
как ливень, листопад или грачи.

И припадёт –

целебный подорожник,
таким прохладным сердце бы лечить
от всплеска плеч –
до обморочных яблонь...

Щедра, щедра –

до зябнувших лугов,
раздетых сенокосом под сентябрь,
до слишком скорых, ранних поездов.
Ах как щедра! –

до слёз необъяснимых,
вся из того, что мучило да жгло.

Так невозможна –

будто бы приснилась.

Проснулся – вправду лето отошло.

Но мне ли сон приснится снова странный,
в котором нет невозвратимых дней.

Прощай, прощай!..

Остался запах пряный –
и он уйдёт, чтоб вспомниться поздней.

ШИРОКОЕ НЕБО АННЫ

Колыбельная

Ой ли гуси прилетали из-за гор,
пухом-перьями усыпали наш двор.
Ой лю-люшенки-лю-люшенки-люли,
пухом-перьями усыпали наш двор.

И умчались на закате за леса.

Сон да дрёма, накатитесь на глаза.

Ой лю-люшенки-лю-люшенки-люли,
сон да дрёма накатились на глаза,

на глаза да на унылую капель...

У Анюты золотая колыбель.

Ой лю-люшенки-лю-люшенки-люли,
у Анюты золотая колыбель.

Словно лодочка на цепочках висит,
чистым месяцем при матушке горит.
Ой лю-люшенки-лю-люшенки-люли,
чистым месяцем при матушке горит.

Широкое небо Анны

Светлый месяц струится
на выцветшие поляны.
В воздухе снег искрится –
широкое небо Анны.

Спят в небылице жар-птица,
избушка на курьих ножках.
Анне одной не спится,
с кровати глядит в окошко,

где золотой кораблик
и у штурвала матросик
чистую душу Анны
в туманную даль уносит –
уносит... уносит... уносит...

Величальная

Дивонька,
синеглазая,
дивись, золотая.
В честь тебя, моя ласковая,
на солнце сверкая,
сосульки звенят, что бубенчики, –
переливаются.

В снежном саду карусельщики
перекликаются:

– Как там? Пришла Анюта?

– Скоро придёт, скоро.

Видишь, какое утро
катит с хрустальных горок.

Видишь, небо какое –
широкое,
голубое.

В сад выбегает Анюта,
и так на свету легко ей!

* * *

Прощай, мистическое лето
с польнуью и горячим солнцем!
Давай присядем напоследок –
мы расстаёмся.

Мы расстаемся в даях тающих
под небом праздничного мая.
Найду ль себе ещё пристанище,
где так же ждут и понимают?

Разлив акаций белоснежных,
летающих вслед вдоль побережья,
как свет несбывшейся надежды,
как знак разлуки неизбежной.

Прощай, Ростов, – и в добрый путь!
Опустим траурные флаги –
мы всё равно когда-нибудь
широты сдвинем, будто флаги,
когда-нибудь, когда-нибудь!

МЕТАМОРФОЗЫ

Ночь так темна, что в десяти шагах
сплошной стеной загадочная бездна.
Тугие травы тянутся к ногам,
затишье давит тяжестью железной.
Ночь так темна, что хочется кричать –
авось хоть чей-то голос отзовется.
Подмокший ельник цапнет сгоряча –
и сердце кувyrкается в колодце.
Колочий лес пронзил тебя насквозь,
он дышит мхом, густым настоем хвои,
он фыркает прогалиной, как лось,
и ёжится свернувшимся покоем.
Его хребет окутан млечной мглой,
во лбу – звезда,

кровь запеклась на лапах.

И он ползёт, змеится над землёй,
как будто вверх, а всё равно на запад.
Плывут стволы,

плывёт тяжёлый дым,

скрипят верхи и чавкают коренья.

И ты плывёшь, и ты ползёшь по ним,
по мордам луж, по слякоти осенней.

Лицо залито едкою росой,
в глазах туман,
а горло – листьев шорох.
Ты прорастаешь радостью босой
и буреломом спишь на косогорах.
Ты – как цветы,
ты – сгусток белых гроз
и зов лощин, и сумрачные чащи...
Глухая полночь.

Час метаморфоз.

Нечистый дух, ощерившийся ящер.

* * *

Морозное утро румяно, как пряник.
На яблоне белый воздушный букет.
И сыплется иней в лучистом тумане
на мой одиноко чернеющий след.

С дороги слетает седая ворона –
напрасно летит и скрывается зря.

Над круглым сугробом
в зеркальных хоромах
сквозит молодая лесная заря.
Далёко-далёко –

скрип снега и кашель,
широко-широко –
январская гладь.

И радостно думать,
что солнце мне скажет,
когда ему за реку руку подать.

* * *

Вот это ночь – продрогшая, что пробы
морозу негде ставить, а из сфер,
как из ведра, по крышам и в сугробы
материально хлещет рыжий свет.

Свирепые свирели полнолуния
свистят метелями над спящею землёй.
Не то чтобы весь мир ополоумел
или кому приснился сон какой,
но оживают тени неживые,
по мостовым безвременья скользят,
и в подворотнях псы сторожевые
вбирают небо в ноздри и в глаза.

